

КЭРОЛАЙН ДАНФОРД

СМЕРТЬ В ОЗЕРЕ

Вишенка британского детектива

Кэролайн Данфорд
Смерть в озере
Серия «Вишенка
британского детектива»
Серия «Эфимия Мартинс», книга 6

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65826054
Кэролайн Данфорд. Смерть в озере: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-156147-5

Аннотация

В новом приключении Эфимия, Бертрам и Рори получают задание от королевского агента Фицроя. Во время рождественской вечеринки им придется выполнить его загадочное поручение. Но когда Эфимия понимает, что именно кроется за правительственными планами, то приходит в ужас. Подписав акт о неразглашении, она практически связала себе руки. Однако когда Эфимия натывается на очередной труп, то понимает, что пришла пора действовать, несмотря ни на что!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	26
Глава 4	35
Глава 5	44
Глава 6	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Кэролайн Данфорд

Смерть в озере

Copyright © Caroline Dunford 2013

All rights reserved

© Осминина А., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Глава 1

Стэплфорд-холл, где и начались почти все мои достопамятные и непрошенные приключения

– Буду счастлив принять Эфимию обратно в качестве экономки, – сообщил сэр Ричард Стэплфорд, лорд Стэплфорд-холла и мой заклятый враг.

– Эфимия теперь моя компаньонка, – прошипела его сестра-близнец, Риченда. – И комната ей нужна на втором этаже, а не каморка для слуг!

Лобовое столкновение брата с сестрой произошло в великолепном, выложенном черным и белым мрамором холле «родового» поместья, построенного в 1898 году со всей вульгарностью, на которую был способен их успешный отец-банкир. Сейчас подходил к концу 1911 год, и время не улучшило ни сам дом, ни вкусы живущих в нем тех членов семьи, что еще оставались живы. Чудовищный и невероятно модный ковер со сложным, выверенным узором спиралей и кругов полностью противоположных оттенков вызывал содрогание у всех, кроме обитателей верхнего этажа, и напоминал водоворот цвета ужаса, бурлящий между спорщиками.

– Они же только начали? – тихонько спросила меня Мер-

ри.

– Не могу понять, – прошептала я в ответ. – В нашу последнюю встречу сэр Ричард отказал мне от дома, пообещав изгнать из своих владений любого, кто станет поддерживать со мной хоть какую-то связь, будь то по дружбе или по делу. А теперь хочет вернуть обратно?

– Ты же слышала, что он купил поместье «Петерфилд» и нанял себе помощника, Гилберта Баркера.

Я непроизвольно содрогнулась.

– Вижу, ты с ним уже встречалась, – заметила Мерри. – Если бы каждый раз, когда он примеривался подступить к мне, я получала пенни, то уже была бы побогаче Стэплфордов.

– Он делает тебе неуместные предложения? – побледнев, спросила я.

– Всем девушкам из прислуги. К счастью, похоже, мой способ отпугивания работает. В него входит кастрюля, – заговорщицки, постучав себя по носу, поделилась она. А увидев мое перекошенное лицо, поспешно добавила: – Я бью его только по голове. Что с ним сделается?

– Мерри, так нельзя! Тебя уволят и обвинят в нападении!

– Я всех девушек приучила держать кастрюлю под рукой.

– А ты не боишься, что одна из них однажды ударит его слишком сильно?

– Не-е-е, он малый высокий, девушки куда ниже. Это что-то вроде удара снизу вверх. – Тут она показала нечто, напо-

минающее кривую подачу в теннисе.

– Мерри!

Под моим взглядом она как-то стушеввалась и поникла, точно кто-то обрезал невидимые веревочки, заставлявшие ее двигаться.

– Ну ладно. На самом деле я его и не треснула ни разу. Просто размахивала кастрюлей, будто собираюсь. Он явно уверен, что в ход я ее не пушу, но все же не до конца. Зато тут же идет на попятную. А другие девушки слишком робкие, – тут Мерри фыркнула. – Имей в виду, он об этом не знает. Стоит показать кастрюлю – и он шарахается от нее, точно ягненок, почуявший мятный соус.

– Вот уж кого сравнить с ягненком мне и в голову бы не пришло, – удивилась я, и Мерри хихикнула.

Бертрам Стэплфорд, младший сводный брат близнецов, легонько коснулся моей руки.

– Возможно, разумно будет отступить и подождать, пока мои брат с сестрой все решат.

Я улыбнулась ему. Как это похоже на Бертрама – пытаться оградить меня от любых проблем или конфликтов, даже если это совсем не практично. Мы только полчаса как прибыли из поместья жениха Риченды, очаровательного Ганса Мюллера, и дорожные сундуки беспорядочно загромождали холл.

– А мне кажется, – ответила я, – что полезно будет узнать, дадут ли мне комнату наверху или внизу, чтобы понять, куда отступать.

– Эфимия! – не выдержал Бертрам. – Ты же не можешь снова согласиться стать экономкой этого человека!

– Нет, – не стала спорить я. – Если Риченда проиграет, боюсь, мне придется отправиться в местную гостиницу.

– Только через мой труп! – бушевал Бертрам.

– Прошу прощения, сэр, – обратилась к нему Мерри. – Возможно, тут я смогу кое-что прояснить.

Бертрам посмотрел на нее удивленно, но не сердито. Мерри работала здесь горничной уже очень долгое время, а до моего отъезда стала кем-то вроде главной горничной и экономки в одном лице. Мерри, чье настоящее имя было Мэри, обладала очень веселым нравом, так что слуги и члены семьи стали звать мою подругу «Мерри» практически сразу же после ее появления в Стэплфорд-холле. Она нравилась даже Риченде.

– Мерри, поясни, – попросил Бертрам.

– Не то чтобы я не справляюсь, – слегка покраснев и опустив глаза, призналась Мерри. – Но я не Эфимия и, уж конечно, не обучалась вести хозяйство при куче гостей. Миссис Дейтон помогала мне с меню и слугами, а девочки отлично работали и поддерживали друг друга, но, Бог свидетель, я не могу управлять домом, битком набитым народом. Уж сколько времени, кроме прислуги, здесь никого не бывало! Лорд Стэплфорд и мистер Баркер вернулись не так давно, и всем нам уже пришлось туго.

– А что, Рори нет? – поинтересовался Бертрам.

Мерри покачала головой.

– Он все еще у графа, заменяет их дворецкого, пока тот не поправится. Лорд Стэплфорд не оказывает услуги просто так. Будь у Рори мозги, вообще бы не вернулся.

– Нет, – возразила я. – Граф не станет его так грубо переманивать, а подождет, пока Рори не займет свое место здесь, и только потом сделает предложение. Иначе было бы совсем не по-джентльменски.

– Верно, – поддержал меня Бертрам.

Мерри окинула меня внимательным, изучающим взглядом. Мы с ней подружились в первый же вечер, когда я очутилась на пороге Стэплфорд-холла, промокшая насквозь и без малейшего представления о работе горничной, на должность которой приехала наниматься. Она была свидетельницей моего подъема по службе от горничной до экономки и компаньонки и оставалась рядом, даже когда мне выпало несчастье столкнуться с убийствами и странными смертями. Мерри никогда не завидовала мне и отличалась от других редкой проницательностью, догадываясь, что чем-то я на других слуг не похожа. Правды о своем происхождении я ей не рассказывала – ни о дедушке-графе, который не желал нас знать, ни о том, что на мое скудное жалованье живут также мать и младший брат. По происхождению я превосходила всех Стэплфордов, и Мерри не раз видела, что мои знания этикета гораздо обширнее тех, что обычно ожидают от слуг.

– Уверена, немного помощи – и ты станешь замечательной

экономкой, – заверила я ее совершенно искренне. Мерри, чей энтузиазм порой приводил к необдуманным действиям, была способной.

– Может, и так, – согласилась она. – Но сейчас ты здесь, и Ричард считает, что пока Риченда не уехала, ты поработаешь бесплатно.

– Ах он жадю... – Тут Бертрам опомнился и кашлянул.

– Он хочет устроить прием в честь Нового года, – пояснила Мерри. – Придется немало потрудиться.

Пока мы втроем перешептывались, Ричард с Ричендой, отбросив приличия, уже орали друг на друга. Сейчас они больше всего походили на парочку котов, готовящихся с боем доказывать свое право на спорную территорию.

– С меня хватит, – заявил Бертрам и, схватив меня за запястье, потянул за собой вверх по лестнице, мимо Ричарда. – Эфимия займет голубую спальню, – громко сообщил он Мерри. Конечно, силой меня никто не тащил, но хватка была такой крепкой, что, судя по всему, Бертрам был готов настаивать на своем, если я вдруг начну сопротивляться. К этому моменту от криков и этого аляповатого ковра меня уже мучила головная боль, обещая стать только сильнее, так что я послушно последовала за ним. – За твоим багажом я отправлю лакея, если, конечно, у Ричарда еще кто-то остался, и пошлю Мерри приготовить чай. А потом она поможет тебе распаковать вещи, – пообещал Бертрам, доведя меня до двери.

– Но Ричард...

– Сомневаюсь, что они вообще заметили наш уход, – отмахнулся Бертрам. – И, кроме того, в какой-то момент Ричард все же вспомнит, что Риченде теперь принадлежит значительная доля акций банка, и если он хочет и дальше его контролировать, без ее помощи ему не обойтись. – Он помедлил. – Ну а если нет, Баркер точно ему напомнит.

После этого Бертрам откланялся. В голубой спальне, одной из самых уютных гостевых комнат, можно было прекрасно устроиться у камина, но как компаньонка, а значит, почти леди и не родственница, я не могла пригласить Бертрама остаться пить чай, не вызвав при этом пересудов. Просто смешотворно. Я как-то работала экономкой в его кошмарно построенном имении «Белые сады» и часто оставалась с ним наедине. А главное, он несколько раз предлагал мне руку и сердце! Правда, скорее из рыцарских побуждений защитить от козней своего сводного брата, чем из любви. Конечно же, мне пришлось ему отказать. Очень недолгое время я была помолвлена с дворецким Рори Маклеодом, несущим службу у графа, причем дважды: один раз официально, другой – нет. Сын бакалейщика, он был совершенно неподходящей партией для любой девушки моего происхождения и в то же время самым приятным и красивым мужчиной, которого я когда-либо встречала.

Несмотря на довольно неудобную склонность к ревности, которую я со временем рассчитывала усмирить, Рори решил,

что любит меня слишком сильно и поэтому жениться не может. В самом деле, порой я чувствую себя героиней старомодного готического романа. А когда нахожусь не в лучшем расположении духа, то считаю, что и конец меня ждет такой же мрачный и готический. Я задумчиво смотрела в окно, вспоминая то время, когда Риченда заперла меня в шкафу после убийства ее отца, еще до того, как между нами установилось некоторое взаимопонимание¹, и тут в дверь резко постучали. И, не дожидаясь моего ответа, тотчас же распахнули. На пороге стояла Мерри с нагруженным чайным подносом и выражением восхищенного ужаса на лице.

– Черт возьми! – беззвучно выдохнула она. – Говорят, ты взяла да нашла еще один труп!

– Два, – кивнув, нейтральным тоном подтвердила я.

– Черт возьми, – повторила Мерри.

– Я тут ни при чем, – вызывающе сообщила я.

– Как и всегда, верно? – хмыкнула Мерри, заходя в комнату и ногой закрывая за собой дверь. Опустив поднос на столик, она подбоченилась: – Слушай, я рада тебя видеть и все такое, но можешь воздержаться от нахождения трупов, пока ты здесь? Это уже переходит в нехорошую привычку.

Верно определив причину недовольства подруги (новая камеристка Риченды, приехавшая с нами, подробности знала, и вся кухня сейчас наверняка заворуженно ее слушала),

¹ Красочные подробности вы можете прочесть в моих предыдущих записках, к примеру, «Смерть в семье».

я пригласила Мерри присесть и присоединиться ко мне за чаем, за которым и рассказала ей о нашем пребывании в поместье Мюллера.

– Вот такая история, из первых уст, – заключила я. – Но у нас выбора не было, дареному коню...

– Что до коня, так Риченда на кобылу больше похожа, – отозвалась Мерри.

– Ты же меня поняла, – прикусив губу, укорила ее я. Риченда в самом деле обладала печальным сходством со своей любимой лошастью. А во время спора с Ричардом ее ноздри раздувались точно так же, и я бы не удивилась, забей она вдруг копытом. – Вдали от брата Риченда становится другим человеком.

– Если все, что ты рассказала, правда... Не то чтобы я считала тебя врушкой, – поторопилась пояснить Мерри. – Просто верится с трудом, местами в твоей истории она ведет себя почти что по-человечески.

– Как оказалось, в значительной мере помогает неограниченный доступ к сладостям, – улыбнулась я, а Мерри мудро кивнула.

– Ну после тортика-то Риченда всегда добрее, – произнесли мы одновременно и рассмеялись.

– А этот Мюллер правда собирается на ней жениться?

– И, думаю, скоро. При данных обстоятельствах торжество будет весьма скромным.

– Хорошо, – согласилась Мерри. – Потому что, когда она

готовилась к свадьбе в тот раз, снова начали умирать люди. И говоря «умирать», я имела в виду «их убивали».

Я вздрогнула, вспомнив то жуткое время.

– Послушай, сейчас я вернулась совсем ненадолго, что плохого может случиться?

Склонив голову набок, Мерри смерила меня подозрительным взглядом.

– Ну, раз ты так говоришь, – с явным сомнением протянула она. Я запустила в нее подушкой, Мерри привычно уклонилась. – Про твои подвиги слушать, конечно, приятно, – сказала она, – но не знаю, как у тебя, а у меня куча дел. Так что изволит ли мадам сказать, какой чемодан мне следует распаковать первым?

– Оставь их, – ответила я. – Быть компаньонкой такая смертельная скука, что, боюсь, скоро придется взяться за вышивание. С Ричендой интеллектуальной беседы ждать не приходится. Сама распакую – хоть чем-то займусь.

Мерри посмотрела на меня как на сумасшедшую, очевидно, подумав, что уж она-то с радостью поручила бы кому-нибудь носить и распаковывать вещи вместо себя. Она понятия не имела, каково приходится девушкам благородного происхождения, не успевшим выйти замуж. Между яркими вспышками происшествий моя жизнь в роли компаньонки – скука скучная. Нет, в самом деле, счастливейшим временем моей жизни были те недели, когда на мне было управление Стэплфорд-холлом, и домашние дела занимали все свобод-

ное время. Я вздохнула. Может, не так и плохо, если Риченда согласится с братом и на время нашего здесь пребывания назначит меня экономкой? Я решила ей об этом сказать.

– Нет. Нет! Неблагодарная негодяйка, – возмутилась Риченда. – Ты моя компаньонка, а если снова станешь экономкой, это снизит мой статус!

Мы первыми спустились к ужину и пили коктейли, которые весьма умело сделал незнакомый мне лакей.

– Очень приятный вкус, – похвалила я, быстро сменив тему.

– Хм-м-м, – протянула Риченда. – Не похоже, что здесь есть алкоголь.

Риченда этим вечером надела крошечную шляпку с огромными зелеными перьями. Одно не замедлило окунуться в ее бокал, пока она принималась к напитку.

– Проклятье! – Она раздраженно отбросила перо в сторону, и брызги тут же разлетелись по всему ее вечернему платью цвета слоновой кости и изумруда. – Что за идиотская форма для бокала!

– Я бы сказал, что за идиотский напиток, – раздался голос вошедшего в комнату Бертрама. Он взял у лакея свою порцию. – Почти такой же идиотский, как твоя шляпа, Рич.

– Чтоб ты знал, мне ее из Франции доставили!

– Уверен, они были рады от нее избавиться, – парировал Бертрам.

– Грубиян, – беззлобно хмыкнула Риченда. – Что ты по-

нимаешь в женской моде!

– Я слышала, миссис Дейтон приготовила на десерт свой знаменитый торт с французской помадкой в честь вашего приезда, – вмешалась я.

У Риченды загорелись глаза.

– Вкуснятина!

– А ты не хочешь выглядеть... – начал Бертрам, но, встретившись взглядом с Ричендой, запнулся. – Я хотел сказать, у тебя же свадьба и все прочее.

– Ганс любит меня такой, какая я есть!

– Хочешь сказать, любит твои акции, – раздался голос позади нас.

– Почти так же, как и ты, – неожиданно нашлась с ответом Риченда. – Уверена, за время моего краткого визита ты очень охотно напомнишь мне о важности семейных отношений. – Она отсалютовала бокалом своему брату-близнецу. – И позволь напомнить тебе, что я написала завещание, так что, если умру до свадьбы, ты ни гроша от этих акций не получишь.

К моему удивлению, Ричард не стал возражать и кивнул.

– Умная девочка, – проворчал он.

Нет, в самом деле, как тут время от времени не спотыкаться о чей-нибудь труп, живя в одном доме с такими-то людьми?

Глава 2

Мое новое положение

Ричард выиграл спор, притворившись, что его никогда и не было. Не могу сказать, что было особенно приятно встретиться за столом, но по большей части хозяин дома не обращал на меня внимания. Не иначе как кусал губы и думал об акциях Риченды. Бертрам же предпочел самоустраниться, что весьма характерно для мужчин. Почти каждый день, невзирая на погоду, он брал ружье и уходил. Как-то утром его позвали к телефону, и я сразу же поняла, что звонили из «Белых садов».

– Эфимия, лучше помолчи, – предупредил он, пройдя через холл, где я неуклюже пыталась разместить зимние розы. – Ничего не говори.

– А я и так молчала, – тут же не послушалась я.

– За тебя говорят глаза, – прорычал Бертрам.

Я подняла брови.

– Ой, ладно, если ты настаиваешь, то мой новый помощник передал, что внутреннее полотно фронтона в «Белых садах» недостаточно надежно, и придется его переделать.

– А почему эти внутренние полотна важны? – не поняла я, беспомощно думая о проложенной в стенах ткани.

– Потому что к ним крепятся каминные трубы, – пояснил

Бертрам.

– Веревками?

– Боже, нет, не все так плохо. – Помедлив, он потер переносицу. – Ну, вообще-то, да. Они прикрепляют дымоход к внешней части фронтона металлическими тросами. Похоже, при прежних владельцах использовали мягкий камень, теперь он горстями отлетает.

Он выглядел таким подавленным, что я смягчилась.

– Вы же никоим образом не могли об этом узнать, – попробовала утешить его я.

– Да, – согласился Бертрам. – Знаю. Но это также значит, что придется не только посетить эту отвратительную новогоднюю вечеринку, которую задумал Ричард, так как я уже пообещал быть, но и снова остаться здесь на Рождество. А я-то думал, что мы все втроем сможем этого избежать.

– У меня была надежда, что Риченда даст мне несколько свободных дней на Рождество.

– Боюсь, определенно нет. Если ей придется остаться у своего одиозного брата, она позаботится о том, чтобы мы страдали вместе с ней. Или мы сможем вместе нагряться к твоей матушке? – воодушевился Бертрам.

– Нет! – почти вскрикнула я. Потом глубоко вздохнула. – Нет, боюсь, жилье матушки всех не вместит, как и средства не позволят подать достойное количество блюд.

– Проклятье, Эфимия! Да я лучше буду спать в хлеву, чем останусь на одну из вечеринок Ричарда!

– Может оказаться увлекательно, – поддразнила его я. – Объявим «Игру в убийство»².

– Молчи. Просто молчи, – велел Бертрам и, ссутулившись, побрел на поиски своего ружья.

Что касается празднования Нового года, то, как оказалось, Ричард решил пригласить лишь близких друзей, и между ним и Ричендой не замедлил вспыхнуть спор о моем присутствии. В конце концов, я отвела Риченду в сторону.

– Поверьте, я в самом деле не хочу омрачать праздник, – заверила ее я. Риченда ничего не поняла и вознегодовала лишь сильнее. – Ваш брат вполне прав, говоря, что некоторые гости вспомнят, что видели меня экономкой, а кто-то даже служанкой. Их вопросительные и неодобрительные взгляды мне хочется сносить не больше, чем Ричарду видеть меня за общим столом. Конечно, я была бы очень счастлива оказаться дома...

– Исключено, – отрезала Риченда.

– Раз вы так считаете, позвольте мне встретить Рождество в одиночестве. В моем распоряжении несколько комнат, а миссис Дейтон позаботится, чтобы я ни в чем не нуждалась.

Риченда вздохнула.

– Ну, раз это необходимо... Но только на Рождество! И чтобы возместить страдания, я найду тебе подарок поболь-

² Согласно правилам этой игры участники должны угадать, кому досталась роль убийцы, который может «убивать» остальных игроков, подмигивая им. – *Прим. пер.*

ше.

Улыбнувшись, я поблагодарила ее, надеясь про себя, что этот подарок – не творение портного, так как предпочтения Риченды в моде давно стали притчей во языцех. По правде сказать, я намеревалась стащить какие-нибудь закуски и напитки и ненадолго, чтобы не отрывая от дел, пригласить Мерри, Меррита и несколько других слуг к себе, но этим планам не суждено было сбыться из-за внезапного прибытия миссис Льюис.

Как-то за завтраком Ричард гордо сообщил нам, что скоро придет новая экономка. Он ясно дал понять, что она образец добродетели с первоклассными рекомендациями. Мы с Бертрамом обменялись недоуменными взглядами, гадая, почему же такая идеальная экономка вдруг согласилась на работу в глуши, еще и за те гроши, которые платил Ричард.

Ответ нашелся сам собой, когда тем же вечером лакей открыл дверь и завопил. При большом великодушии лицо миссис Льюис можно было описать как «характерное». Как рассказала Мерри, заглянувшая ко мне перед сном разобрать постель: «Батюшки-святые, если на нее наткнуться темной ночью, с одной свечой в руках, точно померещится, что сам дьявол пришел за тобой».

– Она что, пьет? – Я вспомнила недавно почившую и не сильно оплакиваемую миссис Уилсон.

– Нет, – усмехнулась Мерри. – Говорит. Все это время с нами беседовала. Даже спросила, расстроило ли меня ее на-

значение на должность экономки.

– А ты что сказала?

– Сказала, что чертовски этому рада и что я только занимала должность полуэкономки со всеобщего молчаливого согласия.

Я рассмеялась.

– И знаешь, что она ответила?

Я покачала головой.

– Она ответила, и я цитирую, – тут Мерри, приосанившись, произнесла с акцентом, присущим, как она считала, высшему обществу, но на самом деле напоминавшим насморк: – «В христианском доме, Мэри, а, как я думаю, это именно такой дом, иначе я бы не приняла это предложение, никто не должен ругаться. Однако я высоко ценю и твое чувство долга перед хозяевами, раз в подобных тяжелых обстоятельствах ты делала все возможное, и то, что ты не питаешь негодования из-за моего приезда. Чтобы отплатить за твою доброту, я приложу все усилия и займусь твоим обучением: однажды ты станешь великолепной экономкой».

– Очень мило с ее стороны, – заметила я.

– Мне и она сама кажется милой, – призналась Мерри. – Хотя ведет себя слишком церемонно, а еще она против замужних служанок. Я уже попросила Меррита молчать на эту тему. Пусть она официозна, зато справедлива. Думаю, я смогу многому у нее научиться.

– Отлично, – уже почти сквозь сон одобрила я. – Надо

будет завтра с ней познакомиться.

– О нет, – вдруг возразила Мерри. – Я бы на твоём месте этого не делала, правда.

Так как я уже засыпала, то подумала, что неправильно ее расслышала.

Но следующее утро доказало, что услышала я все верно.

Привыкнув вставать раньше хозяев дома, я обычно спускалась на кухню, где готовившая завтрак миссис Дейтон угощала меня чашечкой чая с тостом. Там я могла поболтать со старыми друзьями и узнать последние новости – хорошие слуги замечают все, что происходит в доме.

Но этим утром стоило мне, как всегда, устроиться за кухонным столом, миссис Дейтон испуганно на меня взглянула и собиралась было что-то сказать, как прямо за моей спиной раздался голос:

– Мисс Сент-Джон! Что вам угодно?

Голос был властный, точно у гувернантки, и я тут же вскочила на ноги. Обернувшись, увидела высокую женщину средних лет, худощавую, в черном платье, с аккуратно уложенными седыми волосами. В целом совершенно неприметная, вот только лицо ее мне живо напомнило горгулий на церкви моего покойного отца. У меня открылся рот.

– П-п-рошу прощения, – заикаясь, пробормотала я. – Не слышала, как вы подошли.

Миссис Льюис слегка улыбнулась, давая понять, что оценила мою тактичность по поводу ее внешности, а также что

видит она меня насквозь.

– Возможно, вы будете столь любезны и уделите мне несколько минут.

Я непонимающе смотрела на нее.

– В моем кабинете, – уточнила она.

– Но я еще не допила чай, – возразила я.

– Завтрак для всей семьи будет подан через полчаса.

Вот оно что. Есть на кухне – совершенно непозволительное поведение. Мы вошли в ее кабинет, который когда-то принадлежал мне, и я тут же пустилась в объяснения:

– Понимаете, моя ситуация несколько необычная...

– Я знаю, – прервала меня миссис Льюис. – Вы блистательно продвинулись по службе, – констатировала она без всякого негодования. – Но как бы ни сложно было продвигаться вверх, мисс Сент-Джон, куда сложнее вернуться обратно. Я понимаю, что вы бесспорно питаете к служащим теплые чувства и даже считаете некоторых старыми друзьями, но, боюсь, позволить этому продолжаться я не могу. Миссис Дейтон сегодня с утра мучает жестокий ревматизм, о чем, я уверена, вы совершенно не догадывались. Готовить столь обильный завтрак, что заказали господу, для нее весьма затруднительно, но она решительно настроена выполнить свою работу, что достойно восхищения.

– В самом деле, – тихонько пробормотала я.

– Горничную она бы выпроводила из кухни, чтобы спокойно работать, но не имеет права так поступить с компа-

ньонкой.

– Но я бы все поняла! – воскликнула я.

– Она бы также побоялась сказать что-либо, чтобы вы не думали, что она отвергает вашу дружбу потому, что вы теперь занимаете должность гораздо выше по статусу. Как вам известно, у нее очень доброе сердце.

– Вы хотите сказать, что на нижнем этаже я только буду всем мешать, – медленно произнесла я.

– Боюсь, что так, мисс Сент-Джон. Я понимаю, что хотя вы и занимаете новое положение в доме, вам, может быть, слегка одиноко, и мне очень жаль вам об этом говорить, но я не допущу нарушений привычного распорядка работы. Мой долг и моя прямая обязанность – обеспечить слаженную работу всего дома.

– Разумеется, – согласилась я, с ужасом чувствуя подступающие слезы.

– Я знала, что вы благоразумная женщина и с вами можно говорить откровенно, – кивнула миссис Льюис. Видимо, в ее устах это было высочайшей похвалой, и я выдавила улыбку. – А теперь, – продолжила она, – до возвращения нашего дворецкого я планирую научить Арчи носить посуду, он потренируется на не очень ценном сервизе, и я даже попробую убедить его овладеть мастерством разрезания индейки.

– После первых нескольких попыток птица, скорее всего, будет в таком состоянии, что наверх подавать ее будет невозможно.

Лицо горгульи расплылось в широкой улыбке.

– Действительно, и ему в таком случае придется съесть результат самому. Разумное замечание. Хотя, сказать по правде, я очень надеюсь, что мистер Маклеод вернется к нам еще до Рождества.

Я же, в свою очередь, гадала, позволят ли Рори Маклеоду после его возвращения общаться со мной, и захочет ли он этого вообще.

Глава 3

Рождество

Я возражала, просила, даже умоляла, но Риченда все равно отправилась в Лондон за рождественскими покупками без меня. В ее отсутствие мы с Ричардом старательно избегали друг друга. Мерри, которой я объяснила суть распоряжения миссис Льюис, отмахнулась от него с присущим ей пренебрежением к распоряжениям вышестоящих. Она по-прежнему заглядывала ко мне время от времени поболтать, но я не могла не замечать, что эти визиты становятся все реже и реже. Погода ухудшилась настолько, что даже Бертрам перестал выходить поохотиться. Он решил научить меня игре в криббидж³, чему меня, конечно же, уже научил отец. Каждый раз я уверенно выигрывала, и под конец Бертрам стал совсем угрюмым. Тогда по моему предложению мы перешли к шахматам. В них я тоже играла лучше, но, как и думала, его опрометчивые и непродуманные ходы было сложно предугадать, а, значит, и обыграть. Иногда решения оказывались ошибочными, иногда – гениальными. Наверное, в этот момент я острее, чем когда-либо, поняла, какие превосходные Бертраму достались мозги и как редко ему предоставлялась возможность их использовать.

³ Криббидж – карточная игра, придумана в начале XVII века. – *Прим. пер.*

Я также обнаружила, что отец Ричарда, похоже, поручил собрать библиотеку кому-то другому, потому что совершенно случайно там нашлись великолепные сочинения. С их помощью, а также благодаря ежедневным шахматным дуэлям и утренней газете мое душевное состояние улучшилось сильнее, чем когда-либо за последние годы. Я даже решилась слегка освежить свои знания греческого. Бертрам как-то застал меня за учебником, но, к счастью, ничего не понял. По моим представлениям, Бертрам в языках был не силен, ни в древних, ни в современных. Чтобы заниматься чем-то, ему должно было быть интересно – иначе он превращался в отъявленного лентяя. А языки требовали большого прилежания, что, как я теперь еще яснее понимала, было ему несвойственно. Я уже и не надеялась, что он будет по-настоящему счастлив в жизни – разве что найдет какую-нибудь цель, кроме реставрации «Белых садов».

Впрочем, вряд ли у меня когда-нибудь получится заговорить с ним об этом, несмотря на теплые дружеские чувства, которые я даже осмеливалась считать взаимными. Как жаль, что у него не было такого замечательного отца, как у меня.

Риченда вернулась за два дня до Рождества, с кучей свертков и коробок. На шее у нее сверкало солидное, но в то же время изящное золотое ожерелье с рубинами.

– Подарок от Ганса, – покраснев, объяснила она. – У нас получилось пообедать вместе в городе.

– Оно прелестное, – искренне похвалила я, гадая, на-

сколько сильны оказались чары ее обаятельного жениха и не стоило ли мне убедительней настаивать на сопровождении.

– И невообразимо дорогое, – понизив голос, поделилась Риченда, совершенно по-девчоночьи захихикав. – Предсвадебный подарок. А ведь он и на свадьбу мне что-то приготовит!

– Прелестно, – повторила я. – А вы что ему подарите?

– Святые небеса, – вздрогнула Риченда. – Я и не подумала. А что дарят женихам?

– Зависит от человека. Что вы... – начала я и запнулась, смутившись.

– Купила бедняге Типпи? – закончила за меня Риченда без малейшего расстройств. – Несколько ящиков вина. С ним было легко. Знаю, что о мертвых либо хорошо, либо ничего, и ты, должно быть, никогда не замечала, но бедный Типпи умом не блистал. И его предпочтения были очень предсказуемы.

– Тогда, возможно, карманные часы с гравировкой на крышке, в память о дате? – предложила я, пытаюсь вывести новости о грядущем событии.

– А ведь это отличная идея! Вот поедешь и выберешь. Ты лучше знаешь вкусы Ганса, у тебя лучше получится. Я его очень люблю, но воображения у него нет совсем.

Ганс Мюллер обладал тонким вкусом, который Риченда, к сожалению, считала скучным.

– Но я же не могу купить ему свадебный подарок за вас! –

в ужасе воскликнула я. – Это слишком личное!

– Да мы же ничего ему не скажем, глупенькая, – пожурила меня Риченда, крутя ожерелье на свету и любуясь отблесками камней. – И потом, разве ты не хочешь, чтобы Ганс получил в подарок то, что ему нравится, а не то, что выберу я?

Тут она меня поймала, но признаться я не могла. Риченда приняла молчание за знак согласия.

– А теперь пойдем, посмотришь, что я выбрала тебе на Рождество. Знаю, что еще два дня, но мне не терпится показать тебе, да и ты все равно не спустишься к нам на ланч.

Она водрузила на мою кровать четыре шляпные коробки и подняла на меня выжидательный взгляд. С упавших сердцем я по очереди развернула и вытащила четыре шляпы, все фиолетово-зеленые: большая соломенная летняя, зимний клош, лента с перьями длиной в тридцать сантиметров и что-то вычурное и мягкое, по объяснениям Риченды – французское.

– Они все в одном стиле, – радостно указала она. – Эти цвета могут стать твоей отличительной чертой. Ты всегда будешь такой модной!

Лично я считала, что больше всего в них буду напоминать заплесневелую капусту, но, проглотив возражения, многословно поблагодарила ее. Я также вручила Риченде свой подарок – украшенные эмалью серьги с голубыми и зелеными узорами. Недорогие, они выглядели ярко и необычно. Риченде они неожиданно очень понравились, и она обняла

меня.

В канун Рождества Бертрам с Ричардом напились. Мы с Ричендой, которая тоже уже нетвердо держалась на ногах, помогли слугам украсить большую ель в холле. Арендаторов уже поздравили, а сегодня подарки вручали слугам: несмотря на традицию Стэплфордов дарить им новые униформы, Риченда с Бертрамом убедили Ричарда выдать всем небольшую премию. Небольшую для Ричарда, но очень радостно принятую.

Уже было очень поздно, время расходиться по спальням, когда раздался звонок в дверь: прибыл Гилберт Баркер. Ричард с Бертрамом, благодаря рождественскому настроению позабывшие былую вражду, увлекли его пробовать содержимое других графинов.

Поднявшись наверх, мы с Ричендой пожелали друг другу спокойной ночи.

Утро следующего дня оказалось недобрым. По дому разносились крики и жалобы Ричарда. Миссис Льюис лично принесла мне завтрак, и, хотя она ничего не сказала, по ее манерам было понятно, что мое отсутствие на общем празднике она считает возмутительным. Поэтому она просто пообещала мне вкусный ужин.

– Правда, боюсь, у меня не найдется времени принести его лично, и придется направить к вам Мэри, которую, как я полагаю, вы знаете как Мерри. – Она смерила меня взглядом и коротко кивнула. Судя по всему, из-за отсутствия манер у

семьи Стэплфордов Мерри разрешили ненадолго составить мне компанию. Я кивнула в ответ. Вслух никто из нас ничего не произнес. Судя по всему, миссис Льюис была сообразительной женщиной и к тому же очень справедливой. Я размышляла, как долго она останется у Стэплфордов в услужении и почему вообще согласилась занять эту должность.

– Меня звали Мерри с самого первого дня! Мерри! «Веселая», понимаешь! – С этим возгласом моя подруга ворвалась в комнату. Я уронила книгу.

– Веселого Рождества! – пожелала я.

Мерри окинула меня испепеляющим взглядом, бухая поднос с тарелками на стол.

– Это ты так пытаешься шутить?

– Нет! Э-э... Счастливого Рождества, так лучше?

Мерри плюхнулась на мою кровать, с трудом сдерживая слезы.

– Это ужасное Рождество, – всхлипнула она. – Меррита отправили в поместье «Петерфилд». Не знаю почему, но готова спорить, это все ведьма Льюис устроила! Она против отношений между слугами.

– В большинстве домов их не одобряют, – негромко заметила я. – Но Ричард с Ричендой оба ясно дали понять, что не против вашей помолвки. Думаю, их слово в этом доме ценится выше, чем решение миссис Льюис.

– Ну да! А еще она запретила всем звать меня Мерри. Говорит, что у меня есть христианское имя и мой христианский

долг им пользоваться.

– Звучит немного глупо, – признала я. – Но, судя по двум приборам на подносе, тебе разрешили со мной поужинать. Это мило с ее стороны.

– Ну да! – с той же интонацией повторила Мерри.

– И даже вино есть. Тебе налить?

Мерри порылась в переднике и запустила в меня какой-то коробочкой.

– Это так, пустячок.

– Подарок! – обрадовалась я. Внутри оказалась маленькая, вручную сделанная игольница, где можно было уместить и несколько ниток тоже. Очень изящная работа, о чем я и сказала.

– Знаю, ты наверняка в магазинах лучше покупаешь, но я подумала, что раз ты теперь леди, вдруг что с платьем случится на прогулке или у Риченды, с ее-то неуклюжестью.

– Мне очень нравится, – искренне поблагодарила я. – И что куда ценнее, ты сама ее сделала для меня. А я, к сожалению, твой подарок купила.

Я передала ей небольшой сверток. Мерри засияла от удовольствия, обнаружив внутри множество разноцветных лент. Я знала, что она не может позволить себе новые вещи и поэтому часто обновляет или украшает свой скудный гардероб лентами.

Мерри вскочила и порывисто обняла меня, чуть не проглотив нас обеих моей новой игольницей с иглками. Мир

был восстановлен, и мы принялись за рождественский ужин. Так как это был все же мой ужин, блюда нам подали с господского стола. Миссис Дейтон превзошла себя. Мерри, совсем не привычная к хорошему вину, слегка захмелела, и, когда в скором времени ей пришлось спускаться вниз, она легонько покачивалась, а посуда на подносе угрожающе скользила из стороны в сторону. Я решила не показывать ей подарок Риченды, так как не сомневалась, что в таком случае она от хохота вообще поднос уронит.

Заглянул Бертрам поздравить меня и подарить небольшую перламутровую брошь в виде свернувшейся в клубочек кошечки. Я поблагодарила и вручила свой подарок – дорожный набор щеток для одежды. Он рассмеялся и уточнил:

– Это чтобы я не приходил с охоты весь в грязи, да?

– Такие следы ни с чем не спутаешь, – улыбнулась я. – А почему мне кошечка досталась?

– Подумал, что она напомнит тебе о доме. Ведь у всех ви-кариев живут кошки, правда? – чуть запнувшись, пояснил он.

У нас был кот, ловил мышей во флигеле, но моя мать кошек ненавидела и никогда не пускала в дом. Мне кажется, это потому, что кошка – единственное божье создание, под чьим пристальным взглядом матушка первой отвела бы взгляд, и она об этом знала. Но вслух я сказала:

– Конечно! Это очень мило и приятно, спасибо! – И Бертрам расплылся в улыбке. Как и Риченда, он с благодарно-

стью реагировал на любую похвалу. Их детство было далеко не идеальным.

Вот так и прошел еще один канун Рождества. Я подумала о своей семье и написала им очень длинное письмо.

Вечером Мерри вернулась с легким ужином, но в этот раз остаться не смогла:

– Лорд Стэплфорд сейчас сам не свой, точно кот на раскаленных кирпичах. Этот Гилберт Баркер принес из «Петерфилда» важные новости.

– Какие?

– А мне какое дело, – только и ответила Мерри. – Вернулся Меррит, так что я собираюсь пожелать ему очень, очень веселого Рождества!

Глава 4

«Забывать ли дружбу старую» (к сожалению, не всегда получается, как ни старайся)

4

Несколько дней между Рождеством и Новым годом тянулись очень медленно. Для остальных же они пронеслись незаметно. Слуги сустились, завершая приготовления к новогоднему приему. Нужно было открыть и проветрить каждую спальню, а оставшиеся гости, как сообщила Мерри, разместятся в небольшой гостинице неподалеку.

– Да этот дом никогда такую прорву народа не видывал, – беспокоилась она, придя ко мне за подносом после утреннего чая. – Очень надеюсь, что пол в бальном зале выдержит. Насколько я знаю, его даже ни разу не опробовали. А миссис Дейтон не знает, в рай она или в аду – в кои-то веки купили все самое лучшее, денег не жалели. Но и работы у нее теперь выше крыши! Даже будет некоторые десерты золотыми листочками украшать.

⁴ Первая строка из шотландской песни «*Auld Lang Syne*» (1788 г.) на стихи Роберта Бёрнса. Вскоре петь ее в канун Нового года стало традицией и в Шотландии, и в других странах. – *Прим. пер.*

– О нет, – удивилась я. – Золото же не едят!

– Ну выглядит-то точно как золото. Тончайшее, словно папиросная бумага. Нужно очень-очень бережно накладывать сверху.

– Что за расточительство, – вздохнула я.

– А как ты думаешь, оно... э-э-э... выходит с другой стороны?

– Фу, Мерри, не после завтрака же! И понятия не имею. Зачем Стэплфорду все это нужно?

– Сумасброд, – пожала плечами Мерри. – Кстати, об этом. Риченда уже купила тебе бальное платье? – лукаво подмигнула она.

Я скорчила гримасу в ответ.

– Ричард запретил мне появляться на вечере, так что ей и не пришлось – и слава богу.

– Да, невзлюбил он тебя.

– Это взаимно, – заверила ее я. – Не могу дождаться, когда мы наконец уедем. – Позже я еще пожалею об этом поспешном заявлении.

Мерри выглядела задетой.

– А я была рада, что ты вернулась.

– Мне тоже приятно, что мы снова можем видеться. Может, когда Риченда выйдет замуж, вы с Мерритом могли бы перейти на работу к Мюллеру?

– Я поверю в эту свадьбу, только когда увижу кольца на пальцах у обоих, – отмахнулась Мерри. – Ты знаешь, что га-

зеты окрестили ее «роковой невестой»?

– Ни в одной из моих газет такого не упоминалось.

– Ну, если эта свадьба не состоится, даже твои светские газетки ее так назовут, – ехидно заявила Мерри и убежала.

Ричард был решительно настроен отрицать мое существование, и, вероятно, я должна была чувствовать обиду, но, сказать по правде, меня это не волновало. Я могла проводить время с Бертрамом и видела Риченду реже, чем в поместье Мюллера, что стало большим облегчением. Я даже задумалась, а оставит ли она меня своей компаньонкой. Мне нужна была эта работа, но четырнадцать или больше часов в день с Ричендой оказывали на разум отупляющее воздействие. Я знала, что ее интересовало суфражистское движение, судьба падших женщин и даже распространившееся увлечение духовными практиками, но, похоже, это все осталось в прошлом. Временами она бывала даже остроумной, но в последнее время решила стать хорошей женой и настоящей светской леди. А женщине, даже если она леди, не пристало быть умной, как сказала бы матушка. «Ум девушке нужен не больше, чем пара копыт» – любимая ее фраза. Судя по всему, Риченда собиралась последовать примеру и от использования ума отказаться. Теперь она говорила только «Ганс этим займется» или «Ганс скажет, что с этим сделать». Я очень уважала мистера Ганса Мюллера, но из-за этого желания стать идеальной женой Риченда стала скучной и утомительной. С другой стороны, в их семье произошло столь-

ко убийств и скандалов, какое я имею право досадовать, что Риченде хочется нормальной жизни?

Ох. Придется это признать. Мне было скучно. Господь свидетель, я не хотела снова наткнуться на мертвеца, но немного волнения или требующая решения загадка были бы очень кстати. И снова позже я пожалею об этих словах: «Будь осторожен со своими желаниями».

Наступил канун Нового года. У меня была припасена хорошая книжка, камин растоплен на славу. Мне удалось убедить Риченду не надевать ярко-желтую ленту для волос к платью в сине-малиновую клеточку – наряд и сам по себе достаточно эпатажный, и я порадовалась, что Ганс не смог приехать. Все-таки есть предел терпению помолвленного мужчины, потом его ничто не удержит от переселения на континент. Без ленты такое платье говорило о необычном вкусе его обладательницы, но хотя бы уже не угрожало пищеварительному процессу гостей. Я также последовала совету Бертрама запереть дверь, поэтому в целом чувствовала себя спокойно и уверенно. Мне принесли ранний ужин, так что до самого утра первого января можно было никого не видеть.

Я как раз добралась до захватывающей сцены в романе: героиня одной рукой цеплялась за уступ, помощи ждать было неоткуда, и вдруг кто-то постучался ко мне. Часы показывали десять вечера. Ужин давно закончился, и приглашенные, похоже, рыскали по дому в поисках освежающих напитков. Так что я проигнорировала звук. Но незванный гость от-

личался настойчивостью. Стук стал громче.

– Боюсь, вы ошиблись комнатой, сэр, – отозвалась я. Вряд ли даже снедаемая любопытством женщина будет ломиться в запертую спальню.

– Откройте, Эфимия.

Голос звучал приглушенно, и обладателя его было не различить.

– Уходите, – коротко посоветовала я.

– Ну же, мисс Мартинс, – громко позвал голос.

Подскочив на кровати, я бросилась к двери и распахнула ее. Никто в этом доме не должен знать моего настоящего имени.

На пороге, прислонившись к косяку, стоял лорд Милфорд, также известный как Фицрой.

– Вы, – процедила я так холодно, как только смогла. Милфорд-Фицрой служил правительству Его Величества и занимался решением деликатных политических вопросов. Он знал и мое настоящее имя, и моего дедушку графа. И как профессионал он же не может быть настолько глуп, чтобы кричать мое имя при всех. Так я ему и сказала.

– Я не пьян, Эфимия, – усмехнулся он. – Мне нужно было привлечь ваше внимание.

– Вам это удалось – но ненадолго.

– Не надо так, Эфимия. Наденьте вечернее платье. Вы пойдете со мной в зал.

– Лорд Стэплфорд меня не приглашал.

— Лорд Стэплфорд может катиться к чертям, — благожелательно улыбнулся Фицрой. — Вы будете со мной.

— И почему же я должна согласиться? — язвительно осведомилась я.

— Потому что я должен кое о чем вас попросить. И не говорите, что у вас нет платья. По моей информации, то, что вы носили в поместье Мюллера, прекрасно подойдет. — Фицрой усмехнулся еще шире и выразительно поднял бровь. — Я знаю вас, Эфимия. Только ради меня вы вниз не спуститесь. Зато ради возможности потанцевать с вашим обожаемым Бертрамом...

— Как вы... — попробовала возразить я, но Фицрой невозмутимо продолжил:

— Но главным образом вы согласитесь, потому что умираете от скуки, а я могу предложить вам небольшое приключение.

Наши глаза встретились, и я выдержала его взгляд около минуты, но потом все же вздохнула.

— Хорошо-хорошо.

— Отлично. — Фицрой уже сделал шаг, чтобы войти в комнату, но я уперлась рукой ему в грудь.

— Вы можете подождать снаружи.

— Ну вот, все испортили, — посетовал он, но остался за дверью, нагло, хоть и мелодично насвистывая. Я торопливо надела платье и сделала прическу.

За все время, проведенное в Стэплфорд-холле, я ни разу

не видела, чтобы бальный зал открывали. Огромный, просторный, весь в зеркалах и с портретами менестрелей на стенах с шелковыми обоями цвета шампанского, он находился в самой восточной части южного крыла. Расставленные вдоль короткой стены столы ломились от угощений, у каждого стояли слуги. Под громко звучащую музыку кружился цветистый сонм гостей, и в воздухе уже ощущался запах пота от разгоряченных танцем тел.

Мое появление под руку с Фицроем не осталось незамеченным. Имена вновь прибывших, к счастью, уже не объявляли, но Фицрой помедлил на пороге, обратив на себя внимание. Я знала, что платье мне к лицу, и могла быть уверена, что никто, кроме Бертрама и Риченды, не узнает меня в нем.

Никогда еще я не была так близко к публичному скандалу: Фицрой явился на бал с таинственной привлекательной незнакомкой, но при этом никакая карета к поместью не подъезжала. Я разглядела в толпе нахмуренное лицо Бертрама.

Фицрой, должно быть, тоже его увидел, так как подвел меня к Бертраму и вложил мою руку в его ладонь. Музыканты заиграли старомодный вальс. К счастью, матушка позаботилась о том, чтобы я научилась танцевать. А вот родители Бертрама явно не считали это умение таким важным. Хотя, должна признать, что ощущать касания рук Бертрама было непривычно, и танцевала я не так грациозно, как хотела бы матушка.

– Какого дьявола ты здесь делаешь? – прошипел Бертрам мне на ухо.

– А вы, похоже, не владеете искусством вежливой беседы во время танца, – подразнила я Бертрама. Он, покраснев, нахмурился еще сильнее, хотя я думала, что дальше некуда. Тут я с изумлением и ужасом заметила намечающиеся баки, и довольно широкие. – Вы же не собираетесь отрастить бороду?

– А почему бы и нет? – раздраженно бросил он. – Она придаст мне солидности.

– Это кто же вам такое сказал? – искренне удивилась я.

– Какая разница! – Бертрам покраснел еще гуще. – А как тебя прикажешь понимать, ты же знаешь, что твое появление только разозлит Ричарда! Он вышвырнет тебя из дома!

– Сомневаюсь. Он не захочет расстраивать Риченду. И к тому же вы когда-нибудь пробовали сказать «нет» Фицрою?

– Так вот что он имел в виду! – прорычал Бертрам, со всей силы наступив мне на ногу. – Я этого не потерплю!

– Чего?

– У него какое-то поручение для меня, ради безопасности нации или какой-то подобный вздор. Когда я не согласился, сказал, что если бы я знал, кто еще входит в его планы, то изменил бы мнение. А потом исчез и привел тебя!

Сердце забилося быстрее, в груди появилось престранное ощущение лопающихся пузырьков. Нам с Бертрамом пришлось подписать правительственный акт о неразглашении,

так что Фицрой, вероятно, приготовил для нас какое-то секретное задание. «Не слишком опасное, – решила я, – так как мы в его глазах были просто обычными мирными гражданами».

– А он объяснил, что именно?

– Нет, – коротко ответил Бертрам.

– Что бы это ни было, все лучше, чем оставаться здесь.

– Но тебя могли застрелить! – воскликнул Бертрам, имея в виду события, которые я описала в дневнике «Смерть на охоте».

– Насколько я помню, именно Фицрой и не дал меня застрелить!

– И Маклеод. Фицрой и о нем не забыл. Он вернулся, знаешь? – Бертрам, неумело покружив, повернул меня в другую сторону, заставив встретиться взглядом с дворецким Стэплфордов, Рори Маклеодом, мужчиной, которого я когда-то считала любовью всей жизни, пока он не отказался от меня. Он стоял за столом, в форме дворецкого, которая так ему шла, и с сердитым выражением наблюдал за нашим с Бертрамом танцем.

Похоже, жизнь снова станет интересной. Ну что ж, я сама этого хотела, разве нет?

Глава 5

Дикие места, или «пойдешь ли, душенька, пойдешь?»

5

Когда Фицрой собрал вместе Бертрама, Рори и меня, часы показывали три часа утра. Он то ли зная наверняка, то ли по чистой случайности выбрал место, где я нашла свой первый в Стэплфорд-холле труп – библиотеку. Рори, неестественно прямой, занял место у окна, и только тени под глазами выдавали его усталость. Бертрам бродил по комнате, пока наконец не выбрал себе место, тяжело облокотившись о каминную полку. Фалды его фрака оказались в опасной близости от огня, и мне подумалось, что он не совсем трезв. Так как горничной я уже не была, то села в высокое кресло у камина. Присоединившийся к нам Фицрой неторопливо вплыл в комнату, точно все эти восемь часов проспал в удобной кровати, а не танцевал до упаду в бальном зале. Несколько театрально он окинул нас всех долгим взглядом.

– Да, определенно стоит смахнуть не одну паутину, – туманно проронил он. Потом закрыл за собой дверь, проверил, что скрытый проход в коридор для прислуги за книж-

⁵ «*Will Ye Go, Lassie, Go*» – народная шотландская и ирландская песня. – Прим. пер.

ным шкафом тоже надежно заперт (и нет, я не знаю, как он о нем разузнал), и только тогда заговорил.

— Буду краток, — начал он. — Готовится одна важная встреча, и пройдет она на Шотландском высокогорье. Несколько человек должны обсудить вопросы национальной безопасности в условиях усилившейся напряженности. Моя задача — обеспечить им безопасное и уединенное место. Ричард Стэплфорд предоставил правительству свой охотничий домик, и мне необходимо... точнее, я бы хотел, — поправился он под нашими с Бертрамом ядовитыми взглядами, — чтобы вы возглавили штат прислуги и сыграли роль хозяев. У всех вас есть опыт наблюдения за поведением людей и управления слугами, вы подписали акт о неразглашении, а также достаточно осмотрительны, и каждого я знаю лично. И хотя я рассчитываю, что после завершения встречи вы предоставите мне отчеты, могу заверить, что никому из вас физическая опасность грозить не будет. Правительству просто нужно отдаленное местечко, где заинтересованные стороны могли бы обсудить волнующие их вопросы так, чтобы ни газетчики, ни местные жители об этом не проведали.

— И что это будут за вопросы? — осведомился Рори с более заметным, чем обычно, шотландским акцентом.

Фицрой поправил запонку.

— Боюсь, я не вправе сказать.

— Но при этом хотите, чтобы мы отчитались о ходе обсуждений? — не сдавался Рори.

– Мне только нужно знать, как стороны относятся друг к другу, – небрежным жестом отмахнулся Фицрой. – Так я узнаю все необходимое. – Быстро оглядев каждого из нас по очереди, он добавил: – Думаю, не стоит упоминать, что вам я доверяю безоговорочно.

– Но недостаточно, чтобы рассказать о том, что происходит, – заметил Рори.

– У нас есть выбор? – уточнил Бертрам. Судя по голосу, он уже смирился с неизбежным.

– Разумеется, – откликнулся Фицрой. – Вы – частные лица, и если решите отвернуться от короля и Отечества, когда они нуждаются в вас, это решение останется целиком на вашей совести.

– То есть нет, – подытожил Бертрам.

– Дорожные вопросы я беру на себя. Вас заберут четвертого января, будьте готовы. Все необходимые продукты и припасы также будут доставлены. В охотничьем домике вас, Бертрам, будет ждать рекомендательное письмо для гостей, которые прибудут шестого января.

– А как я объясню это Риченде? – спросила я. – Вы же не собираетесь отправить туда и ее?

– Все будет улажено, – заверил Фицрой. – А теперь я должен покинуть вас. Счастливого Нового года. – С этими словами он вышел.

– Ох, – вздохнул Бертрам. – Если бы я не знал, что этот парень на службе короля, я бы подумал, что он... он... – Взгля-

нув на меня, он поспешно замолчал.

– Полагаю, он как раз это слово, – согласился Рори. – Прощу меня извинить, сэр, мисс, необходимо заняться новогодним завтраком. Он будет подан в четыре утра в бальном зале, до подачи карет.

– Мне нужно выпить, – решил Бертрам.

Я ничего не сказала, только тихонько прошла в свою спальню. Раздеваясь ко сну, я не могла избавиться от мечущихся в голове мыслей. Снизу еще доносились музыка и смех, бал продолжался, но даже возможность раннего завтрака не была столь соблазнительной, чтобы бодрствовать дальше. Меня вместе с Рори и Бертрамом отправят в уединенный охотничий домик прямо в сердце пустынного Шотландского высокогорья, в место, где... слишком много воспоминаний для столь позднего часа. Я упала на кровать и натянула одеяло на голову, сама не зная, то ли чтобы не слышать веселый шум, то ли чтобы спрятаться от грядущего дня.

Глава 6

Неприятный сюрприз от человека с сомнительным чувством юмора

Утром первого января стонущие, охающие гости в состоянии разной степени тяжести разъехались по домам. От самих хозяев не было ни слуху ни духу. Гилберт вместе с Рори всех проводили, а миссис Льюис не поднималась наверх, пока не уехал последний гуляка. Риченда заявила, что «умирает», и вызвала Мерри посидеть с ней до ее последнего вздоха. Об этом я узнала от самой Мерри, когда она бесцеремонно втолкнула тележку с завтраком в мою комнату.

– Миссис Льюис послала меня принести тебе завтрак, ведь это мы за всю ночь глаз не сомкнули, а не ты.

– Она очень добра.

– А Риченда, чтоб ее, требует слезать с нее пылинки, потому что у нее адское похмелье. Я за эту чертову ночь едва присела и валюсь с ног.

– В доме есть какое-нибудь снотворное?

– Может, и есть. А что?

– Принеси мне, я дам Риченде, и ты тоже сможешь немного поспать в ее комнате.

– Вы посмотрите, она уже с радостью подмешивает своей хозяйке сонный порошок! А ты изменилась.

– Когда кто-то слишком много выпил, лучшее лекарство – это сон, – с нажимом ответила я. – Я-то думала, что помогаю вам обеим.

– Ну, наверное, да. – Мерри шмыгнула носом. – Ты не подумай, я благодарна, просто все так странно... вот и все.

– Что странно?

– Похоже, меня отправляют в Шотландию тебе в помощь. Мистер Бертрам только что сообщил мне.

– Так он проснулся, да? – уцепилась я за это сообщение, избегая скользкой темы. Мы с Мерри работали бок о бок, и если иногда приносить мне еду (и составлять за столом компанию) не сильно задевало ее достоинство, то находиться длительное время в одном доме, но в разных ролях – хозяйки и прислуги, будет неловко нам обеим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.